

УДК 39

Е.Ф. Фурсова

**СЕВЕРОРУССКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
КРЕСТЬЯН-СТАРОЖИЛОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.***

На основе данных полевых исследований анализируется ряд компонентов традиционной культуры русского старожильческого населения Среднего Приобья – жителей Колыванского района Новосибирской области. Этнографические материалы первой четверти XX в. позволяют видеть в традиционной культуре колыванцев четко обозначенный пласт традиций Русского Севера, хотя некоторые из их числа маркируются не однозначно и имеют связь с Югом Европейской России, казачеством.

Ключевые слова: старожилы, Чаусская волость Томской губернии, северорусские традиции.

Недостаточная этнографическая изученность старожильческого населения Сибири, а также отсутствие подробных описаний современников, малая информативность музейных коллекций и архивов на сегодняшний день не позволяют проследить преемственность на территории исторической известности этнографической группы сибиряков и их части – чалдонов. Вопрос о том, по какому признаку имело место разделение этих старожильческих общностей, решается в этнокультурной плоскости: и сибиряки, и чалдоны, и российские переселенцы конца XIX – начала XX в. воспринимали друг друга в этнокультурном отношении. В этой связи особенно впечатляет культурная общность чалдонов на тех территориях Западной Сибири, население которых четко идентифицирует себя с этой группой (Новосибирское и Томское Приобье, Омское Прииртышье, Енисейский край и пр.) [1. С. 16, 146; 2. С. 4–10]. Распространенность общих этнографических черт на столь широком пространстве Азиатской России свидетельствует о давних временных рамках формирования общности, хотя, как это ни парадоксально, этнографическая действительность не сохранила нам архаические артефакты этой культуры, основные типы которой известны по европейским материалам в качестве «городской крестьянской традиции».

В 1989–1990-х гг. в Колыванском районе Новосибирской области проводились планомерные этнографические экспедиции, организованные Институтом археологии и этнографии СО РАН (под руководством автора). Работы осуществлялись в д. Чаус, Большой и Малый Оеши, Амба, Подгорная, Воробьево, Вьюны, Скала, Вахрушево, Тырышкино, Малая и Большая Черемшанки, Паутово, Кандаурово. На период начала XX в. эти населенные пункты входили в Чаусскую волость Томского уезда Томской губернии. Согласно дан-

ным интервьюирования, старожильческое население обозначало себя как «сибиряки» или «чалдоны»¹, поздние переселенцы конца XIX – начала XX в. назывались «российскими». Те и другие давали друг другу прозвища. Сибирячка П.А. Мослокова (1898 г.р.) считала, что их звали чалдонами, так как р. Дон в Европе, а р. Чал в Сибири, куда их когда-то выслали. Записаны и другие версии, например: «Чал тащили по Дону, вот и стали чалдоны» (К.И. Власова, 1917 г.р.). В ходе полевых исследований среди пожилых информаторов еще встречались российские переселенцы, которым пришлось в юности батрачить на богатых чалдонов, купцов (А.С. Тихонов, 1910 г.р., д. Чаус). В таежных деревнях проживали старообрядцы-«кержаки» (например, Тоя-Монастырка, В.Т. Маркова, 1914 г.р.). Вместе с тем, если судить по отчетам Томской епархии, «раскольников» и «склонных к расколу» в этой местности не числилось [3. Л. 62об., 63об., 64об.]. В г. Колывани старообрядческий моленный дом располагался по ул. Московской, 1. Старожилы бывшей Чаусской волости, видимо, были связаны своим происхождением с северорусскими территориями, о чем свидетельствуют встречавшиеся здесь фамилии Мезенцевы (д. Большой Оеш), Пермьяковы (д. Паутово). Старожильческими, в их числе чалдонскими, фамилиями считаются Тарховы из д. Малый Оеш, Марковы из д. Чаус, Кочкаревы, Москвины, Тарховы, Ведерниковы из д. Амба, Чупилины из д. Воробьево, Мельниковы, Савочкины, Семеновы, Аникины из д. Середино, Кузьминых, Некрасовы из д. Кандаурово. На основе письменных источников историки пришли к выводу о складывании на-

* Граница между сибиряками и чалдонами проходит по линии их самоидентификации, выражается в некоторых особенностях традиционной культуры, однако обнаруживается и много общего. Те и другие считают себя старожилками.

селения Среднего Приобья из служилых людей и их потомков, крестьян-переведенцев, ссыльных и свободных переселенцев [4. С. 6–10; 5. С. 26–27, 31]. Вольные переселенцы Умревинского острога (1703 г.) в дальнейшем устремились на новые земли Чаусского острога [4. С. 131]. По указу от 26.06.1724 г. служилые люди и их потомки, занятые земледелием, наряду с пашенными крестьянами составили сословие местных государственных крестьян [4. С. 61].

Все информаторы неоднократно подчеркивали чистоту и опрятность быта сибиряков-старожилов. Их завышенные требования в этом отношении нередко служили камнем преткновения во взаимоотношениях с российскими переселенцами, которых обвиняли в нечистоплотности, совместном проживании с животными и пр. («морговали российскими»). По этому поводу приведем впечатлительное норвежского ученого Ганстеена, путешествующего в этих местах в 1828–1830-х гг. Его описание как будто подтверждает многочисленные высказывания информаторов: «Они изысканно опрятны, их комнаты в буквальном смысле выскоблены. Большими ножами они скоблят полы, перегородки, окна, скамьи и пр., которые, таким образом, всегда кажутся новыми» [6. С. 5]. Утварь включала разного рода посуду – глиняные «кукшины», «колыванки», «горшки», «корчаги» и пр. Из обстановки в жилом доме колыванцев были только печь, кровать, лавки, табуретки. Маленькие дети спали в «зыбках», старики на печи, дети постарше с родителями на полу, на лавках. Раскрашенные урало-сибирской росписью прялки-«прясницы», «прясилки» (первой трети XX в. изготовления) похожи на известные в музеях Вологодской губернии [7. С. 18 и пр.; ПМА2010-2011].

Судя по сообщениям, в конце XIX – начале XX в. в женском гардеробе чалдонки (сибирячки) преобладали ткани отечественного и импортного фабричного производства: гарус, кашемир, шелка, газ, кружева, ситцы. Однако для повседневной и рабочей одежды использовали дмотканые холсты. В среде старожильского населения комплекс кофты с юбкой существовал как повседневный и как праздничный. Женщины-чалдонки носили в праздники по две широких сборчатых юбки на подкладке с облегающей фигуру кофтой. В одних случаях кофты надевали навывпуск (застегивались сзади), в других заправляли в юбку (застежка шла по плечу, пройме, боковому шву). Костюм назывался «парочкой», если изготавливался из тканей одного цвета или тона. Нижней одеждой служила лишь рубаха с укороченными рукавами из двух частей: верхней – «рукавов» (хлопчатобу-

мажная ткань) и нижней – «становины» (из более дешевого, возможно, льняного материала). По мнению исследователей, эти термины связаны с землями новгородской колонизации, т.е. севернорусского происхождения [8. С. 275]. По покрою нижние рубахи относились к поликовым, называвшимся по-местному «с ластовкой на плечах». Среди сибиряков-колыванцев (не чалдонов) встречались упоминания о сарафанах, под которые как раз надевали поликовые рубахи. Интересно, что полученные в ходе экспедиции материалы полностью соответствуют наблюдениям Ганстеена: «Женщины зимою и летом ходят в одних холстинных рубашках и юбках, босиком. Если надо оставаться на дворе несколько времени, то они накидывают меховую шубку и надевают башмаки; чтобы только пробежать, они остаются в том же самом костюме, как и дома, и босиком прогуливаются по снегу...». Ганстеена восхищала грациозность, природная красота сибирячек: «Сибиряки – писал он – считаются самым красивым народом в России, и я, со своей стороны, нахожу, что это совершенно справедливо». В описании Ганстеена присутствует упоминание о «помочах, которые были застегнуты у пояса и на спине и, соединяясь на груди, казались небольшим корсажем». Видимо, здесь иностранец увидел сарафан «с грудкой» или с лифом, хорошо известный на Русском Севере и у севернорусских переселенцев Сибири начала XX в. [9. С. 87]. Однако ретроспективный обзор хронологии бытования сибирского комплекса с юбкой может привести к интересным выводам. Так, Т.С. Мамсик в реестрах утраченного имущества начала XIX в. была замечена частота упоминания юбок в три раза большая, чем сарафанов [10. С. 45]. К первой половине XVIII в. относит появление в Чаусской волости Томского уезда и губернии «юпки» О.Н. Шелегина, в качестве комнатной и уличной называет этот комплекс для XVII в. О.Н. Вилков [11. С. 157; 12. С. 102–105]. Заметим, что каждый из исследователей повторял стереотипное мнение о «новом типе одежды» в пределах изучаемого периода.

Если до Великой Отечественной войны сибирские женщины еще покрывали голову сборчатыми шапочками из ткани в виде чепцов-«повойников» (из ситца), «наколков» (из атласа, шелка), то после носили только платки и шали. Молодые женщины перекрещивали волосы на темени и прятали под повойник и платок, повязывавшийся концами назад. 1920-е гг. стали рубежом, когда перестали «окручивать» повойниками, но этому обычаю продолжали следовать, используя фэйшонки («окручивали фэйшонкой»). Молодые женщины по-

крывали голову коклюшечным кружевным шарфом, кружевным платком-«катеткой». Женский костюм дополняли стеклянные дутые бусы-«бисера», золотые и серебряные цепочки, дутые круглые серьги.

Согласно экспедиционным материалам, мужчины-старожилы носили в праздники шерстяные косоворотки с левой застежкой ворота. Такие рубахи вышивали по «приполку» (разрез-застежка), «ашлагам» (манжетам) и подолу. Подпоясывались тканями «опоясками». В теплое время года надевали штаны общерусского покроя с узким шагом, тканые в клетку или полоску – «кальсоны», зимой грубого холста «чембары». Для праздничных дней бережливо припасались плисовые штаны с широкими штанинами.

Старообрядки из д. Чаус, Подгорной носили одежду вятско-пермского образца: ляпочные сарафаны с рубахами, головные уборы в виде шашмур или кокошников с платками (К.В. Леонова, 1903 г.р.).

Межсезонная одежда была представлена полушерстяными халатами-«шабурами» (старожилы), «азямами» (чалдоны, тамбовские переселенцы), праздничными «армяками» из пухового материала (сибиряки), отрезными по талии «поддевки» (чалдоны) из плиса, «борчатками», стегаными «фуфайками» (типа телогреи у чалдонов), «бишметами» (старожилы), позднее стегаными «маринаками», плюшевыми «жакетками». Верхнюю одежду подпоясывали дважды по талии. Шубы и дохи шили из овчины и собачьих шкур, тулупы из овчины с высоким воротником. У переселенцев на первых порах явно не хватало зимних видов одежды, именно из этой среды вышла зазорная поговорка: «Семь шабуров с печи – все горячи!».

Рабочей и повседневной обувью считались обутки, которые носили с «качёмными чулками» (здесь: мягкими войлочными чулками. – Е.Ф.). На ногах эта обувь крепилась под коленями и у щиколоток с помощью завязок. Вожденной обувью для молодого человека были «сапоги хромовые», за которые беднякам приходилось батрачить летний сезон. Их натирали до блеска и носили спущенными гармошкой по ноге. Особым шиком являлись «бизоновые сапоги» «с длинными носками на деревянных колках» (здесь: деревянные гвоздики. – Е.Ф.). Мужчины покупали себе праздничную катаную обувь «пимы», «валенки» с красными узорами на белом фоне.

Детская старожильская одежда не отличалась разнообразием. Мальчики до 5–6 лет бегали в одних рубахах, девочкам шили платья с оборками.

Костюм мальчиков постарше дополнялся штанами на одной ляжке.

Браки заключались преимущественно «добром», т.е. с согласия обеих сторон, выйти замуж «убегом» считалось позором для семьи. Вечером накануне венчания проводился девичник. Девушки-подружки водили с «озорными» песнями невесту в баню, позднее устраивали «пропойны», «пропой». За день до свадьбы подружки ехали к жениху за венником. Там мастерили «курник» – венник из березовых веток, украшенный цветами и лентами. С курником ездили по селению, продавая его односельчанам, которые одаривали их деньгами. Накануне свадьбы подружки оставались ночевать, чтобы рано утром вместе с родителями и родственниками приготовить невесту к венцу. Расплетая косы, плакали присутствующие, причитала невеста:

Я жила-была у тятеньки, у родимой мамоньки.
Мне была одна заботушка, мне была одна работушка.
Утром встать мене ранешенько, расчесать мне буйну голову,
Заплести мне косу русую... (А.А. Кузьминых, 1911 г.р.).

За выкупом косы невесты («бранье») следовало венчание или, где церкви не было, «подклет». К венцу ехали с распущенными волосами и вставленными 3–5 гребешками (один спереди, два по бокам, один-два сзади). При «принятии закона», женщина меняла прическу, заплетая две косы (сибирячки) или закручивая на затылке косу (чалдонки). После этого считалось большим грехом показывать кому-либо, даже мужу, свои волосы.

Старожильческие семьи были большими, как рассказывают информаторы, по пять братских семей жили вместе («по пять снох жили»). Обязанности были строго регламентированы: одна сноха готовила еду, другая водилась с детьми, третья хозяйствовала по дому и пр.

Под Рождество совершали обходные обряды «машкарованные». Ходили в масках, с раскрашенными лицами, широко использовался прием костюмирования – травести. Компанию ряженых сопровождал гармонист в «широкой рубахе с тканым поясом и кистями, украшенной разноцветными лентами, бисерами (бусинками. – Е.Ф.) шапке». Утром «маскированных» сменяли «славильщики» Христа, в основном это были дети и пожилые люди. Святки сопровождалась гаданиями «на тыне» (с пересчетом колец «куль-мешок»), бросанием пимов через ворота или избу. В святочные дни исключалось прядение, особенно вечерами (А.С. Овчинникова, 1902 г.р.). Под Новый год и на Масленицу в селениях Чаусской волости разыгрывались конные сражения односельчан за взятие снежных крепостей. Обычай взятия снежного го-

родка для изучаемой местности следует рассматривать как локальный: Новый год в деревнях Чаусской волости отмечали после повержения конными всадниками хранителя города – «городничего» (И.А. Оленников, 1920 г.р., Ф.Д. Барышев, 1921 г.р.). Охранявший крепость «городничий» своими действиями вызывал смех и отвращение публики (например, брал в зубы дохлых кур, кошек). После взятия снежной крепости разжигались костры и начинались массовые гуляния. Рождественские и новогодние костры были распространены в средней полосе России, чему, однако, не предшествовало взятие снежных крепостей [13. С. 44].

В Крещение священник освящал прорубь, люди набирали святую воду, а маскировавшиеся купались. На Масленицу (сиб. Маслянку) катались с гор, особенно старались отметить тех девушек на выданье, которым уже пора была замуж, а они до этого праздника не вышли. В последний день Масленки «заговлялись». Великим постом «приобщались», т.е. исповедовались и причащались святых таинств. В Благовещение после посещения литургии парни и девушки развлекались на сеновалах, «играли на сене, соломе» (здесь: прыгали, дурачились). На Пасху выпекали особый хлеб – «паску», кроме того, разрешалось всем желающим благовестить с колокольни. По общерусской традиции устанавливались качели, устраивались конные состязания – «бегавы». Дети и подростки катали яйца, женщины и молодежь пели круговые песни. Утром дня Сорока мучеников стряпали «воробушек» и выносили их на улицу. Иван Купала сопровождался активными обливаниями, особенно девушек.

Общей любовью пользовались престольные («сезжие») праздники, на которые собиралась вся деревня «возле амбара с гармошками». Еще в 1989–1990 гг. местные жители хорошо помнили, что, например, в д. Большой Оеш съезжим праздником был Петров день, в д. Амба – Рождество, в д. Скала, Середино – день Св. Николая, в д. Чаус – Крещение, в д. Вьюны, Тырышкино – Троица. Эти сообщения совпали с архивными данными по престольным праздникам Чаусской волости Томского округа на конец XIX в., например за 1889 г. (сезжие не указывались) [3. Л. 58, 66]. Традиционный уклад жизни в той или иной мере сохранялся до 1950-х гг., до момента сноса храма Св. блгв. кн. Александра Невского в Колывани.

Сибирский этап развития русской культуры на юге Западной Сибири свидетельствует не только и не столько об адаптации ее компонентов к изменившимся условиям, сколько о сохранении и

удержании основных черт, по которым можно распознать русских и сделать выводы относительно этнокультурного состава населения. Этнографические материалы первой четверти XX в. позволяют видеть в традиционной культуре колыванцев четко обозначенный пласт традиций Русского Севера, хотя некоторые из их числа маркируются неоднозначно. Здесь в качестве традиционного костюма закрепился комплекс с юбкой и кофтой – хорошо известный как на Севере, так и Юге Европейской России, у казачества [8. С. 175, 279]. Свадебный обряд бытовал в севернорусском варианте с вербальной активностью невесты, девичником, банным обрядом, санкционирующими обрядами в доме жениха (совместная трапеза, испытания молодой и пр.). Изложенные материалы, как кажется, убедительно свидетельствуют в пользу сохранения в Сибири основ календарных обрядов восточнославянских народов в достаточно полном виде (святочные ряженые, масленичные катания и пр.) при том, что отдельные компоненты могли носить региональный характер, например новогодние штурмы «снежного городка».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардина П.Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск: Контекст, 2009.
2. Бережнова М.Л. Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007.
3. Ведомость самостоятельной церкви Томского округа с. Вьюнского во имя Святые Живоначальные Троицы. Ведомость самостоятельной церкви Томского округа с. Чаусского Богоявления Господня. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1725.
4. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху (XVII – первая половина XIX вв.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981.
5. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988.
6. Ганстеен // Томские губернские ведомости. 1874. № 40.
7. Притчина В.А. Прялки из собрания Тотемского музейного объединения. Каталог. Вологда: МДК, 2005.
8. Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М.: Индрик, 2011.
9. Фурсова Е.Ф. Одежда жизненного пути // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 86–92.
10. Мамсик Т.С. К характеристики быта крестьянской буржуазии Сибири первой трети 19 в. (по материалам росписей утраченного имущества ГАКК) // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998.
11. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
12. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в 17 в. М., 1967.
13. Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001.